
СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.53

Л. Л. Шпаковская

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ СОЮЗЫ: БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Статья посвящена тому, чего в современном российском официальном дискурсе семейной и гендерной политики практически не существует, тому, что является маргинальным или ненормативным, но в последние годы стало достаточно обычным и приемлемым для повседневной жизни и обыденного сознания. Речь идет о «гражданском браке». Данное словосочетание заключено в кавычки, поскольку, как будет показано далее, оно не считается приемлемым для самоназвания и самоидентификации партнеров, состоящих в «гражданских» союзах, так же как оно не является конвенциональным и для авторов социальных и гендерных исследований. Тем не менее понятие «гражданский брак» остается единственным устойчивым выражением, позволяющим практически всем (исследователям, политикам, журналистам и др.) понимать, о чем идет речь.

В англоязычной литературе для обозначения интимных союзов данного типа используются такие термины, как «intimate relationships» (интимные отношения), «partnership» (партнерство), «couple» (пара), «cohabitation» (сожительство), «consensual union» (союз по согласию) (см.: [3, 9, 12, 26]). Применительно к российскому контексту социолог Елена Вовк предлагает использовать такие термины, как «близкие интимные отношения», «интимный союз», «пара» [3]. Демограф Сергей Захаров вводит термин «партнерство» как наиболее уместный в данном случае и объединяющий континуум отношений добровольных союзов (кроме брака) [9]. В исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (НИСП, 2004, 2007) также использовалась категория партнерства. При этом под партнерами подразумевались люди, которых связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие наличие сексуальной близости [10, с. 90]. Вслед за российскими демографами для обозначения незарегистрированных союзов мы будем использовать термин «партнерство», принимая во внимание терминологическое разнообразие, сложившееся в связи с данной исследовательской проблематикой.

Итак, в статье анализируется гендерный уклад современных российских сожительств, в ней на основании эмпирического исследования реконструируется феноменология «гражданского брака», выделяются те смыслы, которые приписываются этому явлению обыденным сознанием, предлагается типология партнерских союзов, интерпретируются изменения в организации интимности, характерные для современного российского общества.

Постановка проблемы: интимные союзы в контексте трансформаций гендерного порядка

Западные и российские исследователи обращают внимание на то, что распространение практики сожительства является свидетельством фундаментальных сдвигов в организации приватной сферы, подразумевающих изменение ролей мужчин и женщин не только в частной, но и в публичной жизни [3, 6, 8, 9, 13, 25, 26, 27]. Увеличение числа союзов такого типа может рассматриваться как индикатор трансформации гендерного порядка в направлении большей вариативности, плюрализации и демократизации гендерных отношений наряду с такими явлениями, как распространение «гостевых браков» (*living apart together*) и «отставленного родительства», рост числа детей, рожденных вне брака, и числа разводов. Применительно к западному контексту исследователи называют эти изменения «вторым демографическим переходом» [28], «трансформацией интимности» [5], «текучестью» семьи [22, 23]. Анализируя российскую ситуацию, Сергей Захаров обозначил данный процесс как «тихую революцию» середины 1990-х гг., подразумевая под этим термином целый ряд явлений в области репродукции: от повышения возраста вступления в брак и сокращения числа ранних браков до почти полного исчезновения незапланированных беременностей [10, с. 82—87].

Если в России еще 15—20 лет назад гражданские браки были достаточно маргинальным явлением, то в 2000-х практика сожительства стала вполне конвенциональной для представителей городского среднего класса. Перепись населения 2002 г. показала, что на момент ее проведения 11 % всех заявленных брачных союзов были незарегистрированными. По данным опроса ФОМ (2004), опыт сожительства когда-либо имели 22 % россиян [3]. Исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (НИСП, 2004) показало, что в возрасте до 25 лет половина россиян состояла в неформальных союзах. Исследование 2004 г. продемонстрировало большую распространенность таких союзов по сравнению с переписью 2002 г. [10, с. 87, 98, 102]. Таким образом, данные, касающиеся первой половины 2000-х гг., дают возможность говорить о расширении практики партнерства в российском обществе в этот период. Перечисленные выше тренды распространены во всех обществах западного типа. Например, в США пропорция браков, которым предшествовало совместное проживание партнеров без регистрации, увеличилась с 10 % для тех, кто вступил в брак в период с 1965 по 1974 г., до 50 % для вступивших в брак между 1990 и 1994 г. При этом в 2000 г. число проживающих совместно без регистрации брака пар составило около 9 % от всех союзов [19]. В Польше количество незарегистрированных гетеросексуальных союзов выросло с 1,3 % в 1988 г. до 4,5 % в 2006 г. [25].

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что происходящие в России изменения гендерных отношений в определенной степени соответствуют общемировым трендам. Анализируя содержательные изменения интимных союзов в западном обществе, Энтони Гидденс показывает, что брак и семья приобрели совершенно иные значения, чем 40 или 30 лет назад. Трансформация интимности связана с постепенной утратой браком значения формального института, непосредственно связанного с контролем над сексуальностью индивидов и деторождением, поддерживаемого традицией и правилами гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой). Он перестает быть единственной легитимной формой организации интимности [5]. Джейн Льюис отмечает, что брак приобретает смысл текучего (fluid) проекта, который трансформируется со временем, переходя от партнерства к браку, от бездетной двухкарьерной семьи к семье с детьми и традиционным разделением труда. При этом партнеры каждый раз должны заново договариваться о размерах и пропорциях своих финансовых и временных вкладов в семейную жизнь. В результате этих изменений брак все больше воспринимается как сфера риска, нежели защита от рисков, как это было традиционно [23]. В этом контексте партнерство предстает привлекательной формой организации приватной жизни, поскольку оно связано с взаимным выбором партнеров, представляет собой открытый проект, включающий «комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и работы над собой» [5, с. 36]. Далее на материалах эмпирического исследования будет рассмотрено, возможно ли обнаружить аналогичные содержательные изменения брака и партнерства в российском контексте и становится ли «гражданский брак» полноценной альтернативой браку официальному.

Городской средний класс: работа, организация приватности и стиль жизни

В настоящей статье проводится микросоциологический анализ смыслов и практик организации приватной жизни молодых людей. При ее написании были использованы собранные в рамках проекта «Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения»¹ интервью с молодыми людьми, жителями Санкт-Петербурга, проживающими в партнерских союзах (не менее 6 месяцев), т. е. ведущими совместное хозяйство без регистрации брачных отношений².

¹ Материалы исследования включают 21 тематическое глубинное интервью, посвященное организации повседневной жизни, досуга, способам разделения домашнего труда, взаимоотношениям в паре. Респондентами выступали жители Санкт-Петербурга, проживающие в гетеросексуальном незарегистрированном союзе, в возрасте от 20 до 40 лет. Методика исследования предполагала интервьюирование обоих партнеров в паре. При этом каждый партнер был проинтервьюирован отдельно. Таким образом, всего было опрошено 10 гетеросексуальных пар, ведущих общее хозяйство и имеющих интимные отношения. Дополнительно в массив данных было включено интервью с респонденткой, партнер которой отказался принять участие в исследовании.

² В статье используются данные проекта гендерной программы ЕУСПб «Новые формы организации отношений в гетеросексуальных парах молодого поколения. Что

Респондентов, принявших участие в исследовании, можно отнести к молодой когорте городского среднего класса. Наши респонденты работают либо планируют после окончания вуза получить работу в отраслях так называемой новой экономики, к которой относят деятельность, связанную с производством информации, знаний, технологий [17]. Среди них есть IT-специалисты, экономисты, педагоги, инженеры, дизайнеры, переводчики, менеджеры. Доходы, стиль жизни и стиль потребления также характеризуют их как представителей среднего класса. Совокупный месячный доход пар, принявших участие в исследовании, составляет от 40 до 100 тысяч рублей (без учета премий, корпоративных бонусов, которые часто бывают доступны сотрудникам крупных компаний). Наиболее молодые респонденты (22—25 лет) находятся в начале своей профессиональной карьеры, заканчивают учебу, ищут свое «место в жизни», свою первую работу. Наиболее взрослые участники исследования (26—30 лет) могут быть названы профессионалами, уже достигшими определенных успехов в карьере. Все пары, принявшие участие в исследовании (в том числе и пары, имеющие детей), являлись двухкарьерными, т. е. оба партнера в них на момент проведения исследования работали или учились, что является типичным для гендерного контракта гражданского брака и определяет специфику разделения труда в паре.

Стиль жизни и потребительские практики участников исследования достаточно типичны для городского среднего класса³. Большинство пар проживают отдельно от родителей, снимают жилье или живут в квартире, принадлежащей одному из партнеров (как правило, жилье либо достается по наследству, либо приобретено родителями). Пары, проживающие совместно с родителями или другими родственниками, воспринимают такую жилищную ситуацию как временное явление и планируют в будущем предпринимать действия, направленные на приобретение отдельного жилья. Во многих парах один из партнеров имеет машину, в некоторых — оба партнера. Достаточно большую часть совместного времяпрепровождения (как по критерию объема времени, так по значимости для респондентов) занимает совместное потребление: поездки в супермаркеты и шоппинг-центры, посещение кафе, ресторанов, клубов, путешествия, ремонт и обустройство жилья, культурное потребление. Некоторые респонденты имеют вполне осознанную классовую идентичность, определенным образом позиционируя себя в пространстве вкусов и стилей жизни, обнаруживая четкие классовые границы в потреблении.

Таким образом, наше исследование ограничено изучением практик брачного и репродуктивного поведения, характерных для ограниченного социального слоя — городского среднего класса. Согласно исследованию Института социологии РАН, проведенному в 2006 г., к его представителям на основании таких критериев, как доход, образование, занятость и самоидентификация, можно отнести 14 % населения России [7]. Специфика выборки нашего исследова-

такое гражданский брак?», проведенного в 2009 г. и поддержанного Фондом Белля (руководители Е. Здравомыслова, А. Темкина, координатор Л. Шпаковская).

³ О потребительских предпочтениях и стилях жизни городского среднего класса на материалах Санкт-Петербурга см. [4, 18].

дования накладывает два важных ограничения на его результаты. Во-первых, мы не можем экстраполировать результаты исследования относительно практик и смыслов партнерства на другие социальные слои и группы российского общества⁴. Во-вторых, только достаточно условно можно отделить типичные черты «гражданского брака» от эффектов социального слоя, т. е. практики и отношения, характерные для любых типов интимных союзов внутри данного слоя, от практик и отношений, являющихся типичными для «гражданского брака» как такового. Тем не менее мы полагаем, что некоторые практики и их интерпретации меняются или оформляются именно в отношениях партнерства. Можно ли выделенные нами смысловые рамки обнаружить в других социальных средах или «гражданские браки» в них могут приобретать совсем другие смыслы? Не являются ли рефлексивность, свобода и индивидуализм типичными чертами образованных горожан, а не институциональными особенностями «гражданского брака»? Эти вопросы практически неразрешимы в рамках данного исследования.

«Свобода» и «отношения»: феноменология партнерства

Категории «свобода» и «отношения» являются одними из ключевых, смыслообразующих понятий для понимания специфики организации партнерства. Можно выделить следующие сферы, в которых они проблематизируются и представляются как ценность/опасность: отношения внутри пары, родительство, отношения с представителями старшего поколения.

⁴ Вопрос о том, насколько качественные данные, собранные в отношении этой группы — городского среднего класса, могут способствовать пониманию изменений в сфере брачного и репродуктивного поведения, характерных для всей России, является чрезвычайно спорным. С одной стороны, исследователи отмечают, что такие группы являются носителями инновативных практик [14], т. е. практик, которые после их освоения в данной среде постепенно распространяются на все общество. Данные группы, обладая высоким уровнем образования и доходов, быстрее воспринимают, заимствуют и осваивают новые технологии, потребительские образцы, формы финансового и трудового поведения. Иначе говоря, можно рассматривать средний класс как инициатора социальных инноваций в самых разных сферах деятельности [17]. Эти инновации могут также касаться и репродуктивно-брачного поведения [25]. С другой стороны, как отмечает французская исследовательница Элен Ивер-Жалю, изучавшая изменения самосознания российских женщин на протяжении XIX—XX веков, либеральные идеи относительно социальной роли женщин, свободные взгляды на брак и любовь не являются недавним изобретением. Они были характерны для определенной части российской интеллигенции, противопоставлявшей себя буржуазной морали, но никогда не имели широкого влияния. Примером могут служить идеи Александры Коллонтай о новой, свободной от уз буржуазного брака женщине, о любовных и супружеских отношениях, основанных на принципах индивидуальной свободы. Эта революционная мораль в 1930-е гг. практически полностью была поглощена советской идеологией «буржуазной» семьи, идеологией приоритета коллективных ценностей и ханжеского отношения к сексуальности, особенно вне брака, так и не распространившись на все общество [29]. Таким образом, вопрос о влиянии практик городского среднего класса и возможности их распространения в более широком социальном контексте остается открытым и неоднозначным.

Отношения внутри пары. Говоря о восприятии брака и позиционируя свой союз в контексте нормативных семейных моделей, респонденты вводят понятие «отношения». Отношения — это то, что характеризует интимный союз и его качество (хорошие/плохие отношения). Отношения несводимы к обязательствам и ролям, которые предстают как внешние институциональные требования и которым индивиды вынуждены подчиняться, и часто противоположны им. Отношения являются результатом постоянных переговоров, соглашений, сознательно выбранных ограничений на основе взаимной привязанности и любви. Отношения возникают в результате взаимной эмоциональной работы партнеров, работы по самоконтролю и самоограничению. «Гражданский брак» — это неписанный договор, который заключают партнеры, беря на себя обязательства по поддержанию «хороших отношений», и который может быть расторгнут в случае невыполнения обязательств. При этом потери (как финансовые, так и эмоциональные) при расторжении этого неписаного договора воспринимаются как значимо меньшие, чем при расторжении официального брака. Такое понимание отношений тесно связано с понятием свободы. Партнерство подразумевает возможность свободного расторжения отношений, дает свободу выбора наиболее оптимального партнера, служит гарантом качества отношений. В следующем отрывке из интервью категории «свобода» и «отношения» оказываются тесно связанными, свобода выступает гарантом отношений и является стимулом работы над ними: *«Мне кажется, что дает сожителю, такие **отношения**, такой гражданский брак? Главное, что он дает понимание, что каждый человек **свободен**. И я понимаю, что Никита **свободен встать и уйти** в любой момент, и поэтому я сдержу себя и не скажу много чего, что я могла бы себе позволить, если бы я была замужем»* (Ангелина, 23 года).

Хотя практика переговоров может встречаться в союзах любого типа, в том числе и в браке, в сожительстве она образует систему, являясь ключевым моментом совместной работы по поддержанию «хороших отношений». Можно сказать, что договор, переговоры, поиск решения в проблемной ситуации выступают оборотной стороной свободы. Свобода достигается через договорные отношения, которые предполагают большую степень равенства. Практики переговоров и обсуждений различных аспектов интимной повседневной жизни разительно отличаются от практик умолчания, характерных для закрытых старших поколений [16].

Родительство. Партнерство в большинстве случаев считается такой формой отношений, которая не подходит для рождения и воспитания детей. Большинство участников исследования убеждены в том, что родительство возможно только в зарегистрированном браке. Отношения брака воспринимаются как стабильные, постоянные, длительные, что отличает их по смыслу от сожительства. Именно эти свойства брака и делают его, по мнению респондентов, единственно приемлемой формой для реализации родительства.

Родительство приобретает рефлексивный характер. Некоторые респонденты не только имеют достаточно четкие представления о желаемом количестве детей и времени их рождения, но, что наиболее важно, эти планы оказываются вписанными в общий жизненный проект наряду с карьерой, представ-

лениями о необходимом уровне и стиле жизни. Ребенок не воспринимается как спонтанный «плод любви» или то, что появляется «само собой» [11], это событие, которое планируют, к которому готовятся, выбирая для него наиболее подходящее время и место.

Партнерство связано со стратегией отложенного родительства. Молодые представители среднего класса уделяют много времени карьере, досугу, путешествиям и культурному потреблению. Они воспринимают эти занятия как деятельность «для себя» и не всегда готовы отказаться от них для кого-то другого: *«Честно говоря, не знаю, мне как-то стремно. Просто для меня дети — это перестать жить для себя. То есть я такой эгоист»* (Света, 27 лет). Вместе с тем, от родительства они не отказываются. Их жизненный проект разделен на две части: период свободы, поиска, карьеры и партнерства, за которым следует период родительства, стабильности и брака. Это становится особенно актуальным для молодых женщин, которые стремятся избежать двойной нагрузки, отложить время выбора между семьей и карьерой в связи с рождением детей. В результате собственное положение женщины определяется как промежуточное: между «старыми» практиками раннего замужества и рождения детей, характерными для российской репродуктивной культуры, и «новыми» для российского общества практиками карьерно-ориентированных «космополитов», откладывающих рождение детей для построения карьеры. Светлана (27 лет) сравнивает себя с двумя категориями подруг — «за границей» и «здесь», представляющими «старые» и «новые» практики репродуктивного поведения: *«У меня есть две категории подруг: те, которые свалили за границу и там работают активно, учатся, вернее отучились, работают в общем, живут там. А другая категория — здесь уже пережилась и нарожала детей, либо собирается, либо в процессе. И, собственно, я где-то между. ...Прямо сейчас рожать тоже я не хочу. То есть просто этот момент оттягиваю, пожалуй».*

Баланс ролей решается Светланой в пользу работы, дающей возможность материального благополучия, независимость и авторитет внутри пары. Светлана не отказывается от рождения ребенка (или даже нескольких детей), а лишь откладывает это решение. Кристина, 23 лет, также высказывается за отложенное деторождение, полагая, что период «молодости и здоровья» позволяет искать, менять работу, заниматься карьерой, зарабатывать, в то время как появление ребенка накладывает ограничение на «свободу действий»: *«Пока мы молодые, пока здоровые, зарабатывать можем. Также некоторое преимущество, пока детей нет, определенная свобода действий есть в финансовом плане. Потому что там просто так уже не уйдешь с работы, не сменишь, я имею в виду, когда дети».*

Таким образом, «гражданский брак» оказывается такой формой организации повседневности, в которой партнеры, представители городского среднего класса, могут уделять время себе, своим отношениям, хобби, карьере. Он предоставляет своеобразную индульгенцию для того, чтобы спланировать время, когда придется подчиниться довлеющим репродуктивным нормам, дает возможность отставленного родительства, разрывая смысловую связь между отношениями близости, любовью, сексом и деторождением.

Отношения с представителями старшего поколения. Партнерство в большинстве случаев представлено в рассказах респондентов как пространство отношений двух свободных людей, проводящих совместно свободное время, занятых потреблением, обустройством быта и принимающих решения о распределении обязанностей. Оно не воспринимается как семья в полном смысле этого слова, обладая при этом определенной степенью легитимности в глазах общества. «Гражданский брак» позволяет, с одной стороны, легитимно отделиться от родителей, а с другой — манипулировать автономией, ресурсами, избегать ответственности и обязательств перед представителями старшего поколения, минимизировать общение и поддерживать дистанцию по отношению к ним. Например, партнеры могут принимать материальную помощь родителей, но отказываться исполнять их требования участия в совместных домашних работах, помощи «по хозяйству».

О наличии финансовой помощи со стороны родителей (периодической или регулярной) свидетельствуют наиболее молодые респонденты. Однако гораздо чаще взаимные материальные обязательства между представителями молодого и старшего поколения отсутствуют. Во многом это связано с тем, что и родители и дети имеют свои собственные ресурсы. Родители, как правило, еще продолжают работать, а молодые люди (по крайней мере, один из партнеров) уже начинают работать и получать собственные деньги. Взаимоотношения со старшими родственниками приобретают характер взаимопомощи в парах, уже имеющих детей. В этом случае уход за детьми и их воспитание осуществляются женщинами разных поколений, однако молодые матери предпочитают обращаться к родительской помощи только в случае необходимости. Так, респондентки с детьми выступают против излишнего вмешательства бабушек «в образовательный процесс» и предпочитают к ним обращаться, когда необходимо погулять или «посидеть» с ребенком.

Общение с представителями старшего поколения часто имеет ритуализированный характер посещения их молодыми парами по выходным, праздникам и дням рождения. Такая форма взаимодействия часто воспринимается респондентами как «приятная», доставляющая радость и взаимное удовлетворение. Однако во многих случаях такая коммуникация со старшими родственниками приобретает потенциально конфликтный характер. Родители требуют от детей внимания, заботы и выполнения эмоциональной работы, что порождает взаимную неудовлетворенность и является свидетельством межпоколенческого напряжения, связанного как с притязаниями родителей на большую эмоциональную вовлеченность, так и чувством вины со стороны детей в связи с неспособностью выполнить эту работу. «Я их часто расстраивал», «Это моя вина», — говорят респонденты, объясняя сложные отношения с родителями.

Таким образом, сожителство как «полулегитимная» семья позволяет достаточно гибко организовывать взаимодействие с представителями старшего поколения, достигать автономии, минимизировать контроль и в то же время в случае необходимости привлекать ресурсы и помощь родителей. Можно предположить, что автономизация от старших родственников представляет определенный этап жизненного цикла молодых людей, связанный с отделением от

родителей и построением собственного пространства частной жизни и семьи. Вместе с тем межпоколенческое напряжение, взаимные претензии, чувство вины могут рассматриваться как знак ослабления межпоколенных семейных связей, растущей индивидуализации, «культурного похолодания» и ослабления отношений заботы [21, p. 214].

Типология партнерств в среде городского среднего класса

Феноменологический подход, которому мы следовали в эмпирическом исследовании, позволяет выделить не только общие черты, но и различия в интерпретациях сожительства у наших информантов. Несмотря на наличие общих ценностей, характерных для партнерств, эти союзы не гомогенны и представляют собой континуум отношений. Попытаемся выделить основные типы сожительства в среде городского среднего класса на основе тех смыслов «гражданских браков», которые можно реконструировать исходя из интервью с обоими партнерами.

Партнерство — альтернатива официально зарегистрированному браку. В этом случае партнерский союз может рассматриваться до некоторой степени как альтернатива браку зарегистрированному. Этот тип союзов в большей степени характерен для самых молодых респондентов в нашей выборке (21—25 лет) и пар, имеющих стаж совместного проживания до двух лет. Молодые люди начинают самостоятельную жизнь, они заканчивают учебу, устраиваются на работу, у них появляются первые самостоятельные ресурсы. Условием возникновения такого союза является наличие отдельного жилья. В процессе совместного проживания пары этого типа создают свое автономное пространство, оформляют его, делают ремонт, приобретают первые предметы мебели, интерьера, конструируя таким образом чувство общности («мы») и свою независимость.

Этот тип партнерства представляется его участникам как противоположность официально зарегистрированному браку. Партнеры отказываются называть свой союз браком, подчеркивая, что основным для них выступает качество отношений. При этом возможность прекратить отношения в случае неудовлетворенности, потерпев при этом незначительные моральные и материальные издержки, «не попасть в такую ситуацию, из которой потом будет трудно выбраться», является привлекательным свойством сожительства. Партнеры опасаются, а иногда выступают против заключения брака, полагая что формальное закрепление статусов и ролей приведет к изменению качества отношений.

Партнерство — подготовка к браку. В рамках союза этого типа молодые люди рассматривают партнерство как этап подготовки к зарегистрированному браку. В процессе совместного проживания тестируются отношения, определяются возможные роли, их границы, потенциальные конфликты и способы их решений. Успешная взаимная адаптация заканчивается принятием решения о браке. Партнеры (в этом единодушны и мужчины и женщины) используют совместное проживание для того, чтобы понять: «Сможем мы быть вместе или нет».

Сожительство как пробный брак характерно для респондентов более старшей возрастной когорты (26—32 года), имеющих стаж совместного про-

живания более двух лет. Партнеры задумываются о том, чтобы создать семью, начинают оценивать друг друга с точки зрения возможности стать супругами, т. е. вступить в длительные постоянные отношения, каковыми им представляются отношения брака. При этом смысловая граница между зарегистрированным браком и сожительством становится менее отчетливой по сравнению с первым типом. В тех случаях, когда соительство видится в качестве переходной фазы к зарегистрированному браку, партнеры говорят о том, что их отношения не отличаются от отношений супругов в зарегистрированном браке, полагая также, что никаких изменений не произойдет и после регистрации.

Автономизация от старшего поколения в этом случае не является актуальной стратегией; на первый план выступает идея поиска и «тестирования» потенциального партнера, с которым можно впоследствии заключить брак, «чтобы семья впоследствии не распалась», родить и воспитать совместных детей. Граница между браком и сожительством связана в данном случае с принятием решения о деторождении. Партнерство не рассматривается подходящей формой отношений для рождения и воспитания детей, а стремление обзавестись ребенком выступает одним из основных мотивов для регистрации.

Партнерство — аналог брака. Данный тип союзов характеризуется тем, что он практически неотличим по смыслу для его участников от официально зарегистрированного брака. В этом случае респонденты склонны без колебаний называть себя семьей, а друг друга мужем и женой. К таким союзам в первую очередь относятся пары, имеющие детей. В нашей выборке таких пар было две: Олег (31 год) и Юлия (27 лет), а также Софья (40 лет) и ее партнер (41 год). И в том и в другом случае ведение совместного хозяйства и совместное проживание началось с рождения ребенка. При этом о ребенке в данной ситуации говорят как о запланированном и желанном, однако его зачатие в силу различных обстоятельств произошло раньше предполагаемого срока. Совместные хлопоты по уходу и воспитанию младенца не оставляли времени и сил для регистрации брака. Одновременно партнеры осознавали, что фактически регистрация брака не предоставит им никаких преимуществ и существенно не изменит их статус. Респондентки-матери делали упор на «нормальность» своего союза в связи с получением официальных, альтернативных регистрации брака признаний его статуса, подчеркивая, что они не имели никаких сложностей при установлении родительского статуса отца, получали те же самые пособия и льготы, которые полагаются матерям, состоящим в зарегистрированном браке. Вместе с тем участники партнерств данного типа отмечали, что их союз является редким случаем, результатом случайного стечения обстоятельств и не должен «быть примером для других», тем самым воспроизводя нормативную связку брака и деторождения.

Отличительной чертой союзов такого типа выступает ярко выраженная поляризация гендерных ролей. Такая поляризация ролей возникает в связи с появлением у пары ребенка. Эту тенденцию перехода к более традиционной модели ведения домашнего хозяйства в связи с рождением детей отмечают и многие зарубежные исследователи (см., напр.: [20, p. 1459]). Если в двух представленных выше типах союзов респонденты подробно обсуждали со-

вместное проведение свободного времени, общение, поездки, хобби, потребление, при этом рассказы о ведении домашнего хозяйства и разделении ролей не проблематизировались, то в данном типе союзов респонденты были более склонны обсуждать вопросы разделения ролей и организации быта в связи с необходимостью ухода за ребенком, сетуя при этом на отсутствие свободного времени. В партнерских союзах типа «альтернатива браку» и «подготовка к браку» отношения в паре были представлены как эгалитарные, договорные и малоконфликтные. В парах с детьми роли являются поляризованными заданными правилами разделения домашнего труда между отцом и матерью и потенциально конфликтными.

Итак, в российском контексте партнерские союзы различаются с точки зрения того, как их участники относятся к официальному браку. Вопрос о принятии решения о рождении ребенка также является важным для проведения смысловой границы между сожительством и браком. При этом большую роль в самоопределении союза в отношении брака играет возраст партнеров и продолжительность совместного проживания. Молодые люди (20—25 лет) в большей степени склонны создавать партнерские союзы, которые являются альтернативой официально зарегистрированному браку, формой автономизации от старшего поколения, а также «пробным браком», который в случае неудачно сложившихся отношений может легко распасться, а его участники — вступить в новые пробные отношения. Однако чем старше становятся партнеры, тем с большей вероятностью они задумываются о создании семьи и рождении детей, стараясь соответствовать репродуктивным и статусно-маритальным нормам среднего класса. В этом случае партнерство начинает рассматриваться как «подготовка к браку». Только пары с детьми склонны считать себя семьей, хотя и не полностью «нормальной».

Иначе говоря, представители российского городского среднего класса весьма ограниченно готовы принять «гражданский брак» как самоценный, легитимный союз, несмотря на то что дорожат им как пространством доверительных свободных отношений, возможным на определенном жизненном этапе. Таким образом, партнерство можно описать как особую конфигурацию практик интимных союзов, которая, по мнению респондентов, включает большую степень свободы по сравнению с зарегистрированным браком. Оно выступает конвенциональной формой организации интимности для молодых людей, которые отделяются от родителей, но стремятся отодвинуть момент погружения во взрослую жизнь с ее ограничениями и требованиями заботы и ответственности за других.

В заключение хотелось бы поместить результаты проведенного исследования в контекст текущих дискуссий о направлениях трансформаций гендерных отношений современных обществ западного типа, к которым в той или иной степени можно отнести и Россию. Современные социальные тео-

ретики [1, 2, 15, 24] отмечают изменения экономического порядка⁵, ставшие причиной нестабильности, неопределенности и ненадежности социальных структур. Эти изменения привели к коренным трансформациям интимной сферы в свете индивидуализации, распада человеческих связей, «похолодания» отношений. С одной стороны, индивиды все менее склонны вступать в долгосрочные отношения и обязательства «пока смерть не разлучит нас», предпочитая их временным, преходящим и соответствующим актуальным потребностям отношениям «пока сохраняется удовлетворенность». С другой стороны, современные индивиды склонны медлить, оттягивать момент наступления некоторых значимых событий в своей жизни, которые могут угрожать их мобильному и текучему положению [1, с. 176]. Наши респонденты, будучи профессионалами, занятыми в экономике крупного мегаполиса, оказываются подобны «странникам», которые склонны выбирать наиболее приемлемые для себя условия работы, организации повседневной жизни, интимных отношений. Брачное и репродуктивное поведение является частью единого жизненного рефлексивного проекта. Например, вопрос деторождения и распределения ответственности за детей связан с выбором профессиональной карьеры партнеров, места жительства, обусловлен достижением определенного уровня благосостояния, потребительских стандартов, материальных и жилищных условий существования пары. Респонденты, представители городского образованного среднего класса, видят ценность в свободе, возможности переговоров, гендерном равенстве, достигая их в отношениях партнерства.

Специфика разделения гендерных ролей в паре, а также смысловое наполнение сожителства позволяет говорить о процессе «трансформации интимности» в рамках союзов данного типа в среде городского среднего класса. Оставаясь на периферии семейной, гендерной политики и официального дискурса, партнерства вырабатывают собственные стратегии. Они предполагают ориентацию на себя и свои собственные ресурсы, стремление к автономии и свободе, относительное равенство материальных, временных, эмоциональных вкладов участников. Такие союзы заключаются ради самих себя, ради хороших отношений партнеров и взаимной удовлетворенности, и в этом смысле они являются прибежищем «чистых отношений».

В начале статьи нами был поставлен вопрос о том, становится ли партнерство в российском обществе полноценной альтернативой официальному браку. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что «гражданский брак» предшествует, дополняет, но никак не заменяет официально зарегистрированный брак. Молодые люди, представители городского среднего класса, рассматривают свой жизненный проект как разделенный на два этапа: период мобильности, автономизации, выбора, партнерства

⁵ Зигмунд Бауман относит к наиболее значимым изменениям экономического порядка глобализацию экономики, гибкость и быструю изменчивость различных ее секторов, высокую мобильность рабочей силы, исчезновение долгосрочных трудовых контрактов, оплату труда в зависимости не от квалификации и стажа, а от способности приносить прибыль в данных экономических условиях [1].

(«жизнь для себя») и следующий за ним период стабильности, оседлости, выполнения институциональных требований брака и родительства, в значительно большей степени предполагающий «жизнь для других». Оба этих этапа воспринимаются ими как привлекательные с различных точек зрения. Таким образом, традиционный брак не исчезает и не подвергается коренной трансформации, оставаясь привлекательной ролевой моделью и приобретая новые смыслы в контексте рефлексивного биографического проекта молодых горожан, представителей среднего класса.

Библиографический список

1. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 238 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. 2005. № 1. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 25.11.2011).
4. Гладарев Б., Цинман Ж. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2009. С. 189—221.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М. ; СПб. : Питер, 2004. 208 с.
6. Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // Социол. исслед. 2008. № 12. С. 82—90.
7. Городской средний класс в современной России : аналитический доклад / ИС РАН. 2006. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html (дата обращения: 24.06.2011).
8. Данилова С. С. Одинокое материнство в общественном мнении // Социол. исслед. 2009. № 5. С. 138—141.
9. Захаров С. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237/238. 6—19 марта. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 24.06.2011).
10. Захаров С. Трансформация брачно-парнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе : по материалам одного исследования : сб. аналит. ст. / под ред. Т. Малеевой, О. Синявской. М. : НИСП, 2007. Вып. 1. С. 75—126.
11. Кессели К., Роткирх А. Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин // Новый быт в современной России. С. 427—455.
12. Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // Рубеж : альм. социальных исследований. 1994. № 5. С. 166—179.
13. Кузьмина К. А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журн. исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 2. С. 201—216.
14. Радаев В. Обычные и инновативные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. № 4. С. 89—119.

15. *Rutten M.* Гендер и социальная структура: значение приватной сферы в исследованиях социального неравенства // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре. Европейская перспектива. СПб. : Алетейя, 2008. С. 123—136.
16. *Роткирх А.* Советские культуры сексуальности // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 128—171.
17. *Шкаратан О., Иняевский А., Любимова Т.* Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Демоскоп Weekly. 2009. № 381/382. 15—30 июня. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit05.php> (дата обращения: 22.06.2011).
18. *Шпаковская Л.* «Мой дом — моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса // Новый быт в современной России. С. 222—261.
19. *Dush C. M., Cohan C. L., Amato P. R.* The relationship between cohabitation and marital quality and stability: change across cohorts? // J. of Marriage and Family. 2003. Vol. 65, № 3. P. 539—549.
20. *Henz U.* Gender roles and values of children: children couples in East and West Germany // Demographic Research. 2008. Vol. 19, art. 39. P. 1451—1500.
21. *Hochschild A.* The Commercialization of Intimate Life : Notes from Home and Work. Berkeley ; London : University of California Press, 2003. 313 p.
22. *Knijn T., Smit A.* Work and family life: three paradigms and ambivalent policies // Social Politics : International Studies in Gender, State and Society. 2009. Vol. 16, № 4. Winter. P. 484—518.
23. *Lewis J.* Work-Family Balance, Gender and Policy. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar, 2009. 255 p.
24. *Luhmann N.* Love as Passion : the Codification of Intimacy. London : Polity Press, 1986. 264 p.
25. *Matysiak A.* Is Poland really «immune» to spread of cohabitation? // Demographic Research. 2009. Vol. 21, art. 8. P. 215—234.
26. *Seltzer A. J.* Families formed outside of marriage // J. of Marriage and Family. 2000. Vol. 62, № 4. P. 1247—1268.
27. *Teachman J.* Premarital sex, premarital cohabitation, and the risk of subsequent marital dissolution among women // Ibid. 2003. Vol. 65, № 2. P. 444—455.
28. *Van de Kaa D. J.* Options and sequences: europe's demographic patterns // J. of Australian Population Association. 1997. Vol. 14, № 1. May. P. 1—29.
29. *Yvert-Jalu H.* Femmes et famill en Russie d'hier et d'aujourd'hui. Paris : edition du Sextant, 2008. 327 p.